

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

КОНН ИГГУЛЬДЕН

ЧИНГИСХАН

ИМПЕРИЯ СЕРЕБРА

Конн Иггульден
Империя серебра
Серия «Чингисхан», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7061642

Конн Иггульден. Чингисхан. Империя серебра: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-72382-9

Оригинал: Connlggulden, "Empire of Silver"

Перевод:

Александр Шабрин

Аннотация

Уже три года, как умер Чингисхан, но наследие его живо. Ханское знамя приял в свои руки сын великого завоевателя Угэдэй. В знак своего могущества он выстроил белый город Каракорум – столицу новой империи. Огромное серебряное древо – символ процветания и мощи – установил Угэдэй у входа в свой дворец. Но непривычно его лихим воинам так долго жить в мире, без военных походов. И послал он огромное войско во главе с лучшим военачальником далеко на запад, к последнему морю. Одолев полконтинента, монгольские тумены победоносно вышли к границам Франции и Италии. Кажется, уже никто и ничто не в силах их сдержать. И тут происходит событие, в корне меняющее судьбу серебряной империи – и всю мировую историю...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	56
Глава 8	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Конн Иггульден

Чингисхан. Империя серебра

Посвящается Кэти Эспинер

Иггульден равен только себе самому...
Daily Mail

Иггульден поведал нам совершенно восхитительную историю...
The Times

Читайте этот роман до того, как в Голливуде по нему снимут блокбастер.
Daily Express

Пролог

Мальчик с хмурой сосредоточенностью топал мимо юрт, что теснились, как какие-нибудь неказистые раковины, разбросанные по берегу незапамятно древнего озера. Вокруг сплошь нищета и убогость, решительно во всем: в грязной желтизне войлока, латаного-перелатаного поколениями кочевых домочадцев, в бляении худосочных, с присохшей сенной трухой и навозом коз и овец, бестолково путающихся под ногами, мешая пройти к жилищу. Бату, так звали мальчика, поругиваясь, отпинавал их с дороги, от чего из двух тяжелых ведер, которые он нес, выплескивалась вода. Вблизи жилищ воздух припахивал мочой – затхлая едкость, особенно заметная после свежего речного ветерка. Бату шел и хмурился, досадуя на то, как сложился день. С утра уйма времени ушла на рытье отхожего места для матери. Он-то думал, что угодит, и не без гордости показал ей плоды своего труда, а та лишь пожала плечами: не хватало еще в такую даль отлучаться лишь за тем, чтобы оправиться. Мол, места, где можно присесть по нужде, вокруг и так навалом. Сиди сколько вздумается: теперь уж на меня, старую, никто не позарится. Тем более на краю становища.

В свои тридцать шесть мать была уже согбенной старухой, источенной годами и хворями. Ходила, припадая на одну ногу. Зубы, особенно которые снизу, все как есть повыпали, и выглядела она, можно сказать, вдвое старше своих лет. Хотя сил на затрещину сыну ей по-прежнему хватало – иногда, когда Бату упоминал об отце. В последний раз – нынче утром, прежде чем он отправился за водой к реке. Ведро паренек со стуком поставил у входа и взялся растирать занемевшие ладони. Слышно было, как мать в юрте заунывным голосом тянет напев – какой-то давний, времен своей молодости. Бату улыбнулся. Отходчивая она все-таки, была и есть.

Матери он не боялся. За прошлый год сил и роста в нем прибавилось настолько, что он мог остановить любой ее удар. Просто делать этого не делал, а сносил их, понимая, что вызваны они неизбывной материной горечью. Можно схватить ее за руки, унять, даже прикрикнуть, но не хотелось видеть, как она в ответ расплчется или, хуже того, униженно запричитает, а то и, что совсем уж худо, приложится к бурдюку с архи¹, чтобы полегчало. Эти моменты, когда мать напивалась до одури, были мальчику ненавистнее всего. Она тогда принималась бессвязно лопотать, что у него-де лицо отца и ей невмочь на него смотреть. Сколько раз он ее потом отчищал от нечистот; согнувшись, тер смоченной в ведре тряпичей, а она дрожащими руками придерживалась за него сверху, елозя по сыновней спине отвис-

¹ Архи – в Монголии крепкий алкогольный напиток, производимый из молока.

лыми плоскими грудями. Сам Бату уже сто раз зарекся хоть раз в жизни притронуться к архи. Из-за примера матери его воротило даже от запаха этого хмельного пойла: кислотина, неразделимо связанная с вонью блевотины, пота и мочи.

Заслышав стук копыт, Бату обернулся: любой повод хоть ненадолго задержаться снаружи казался отрядным. Ого, конники... Пускай и немного – никак не тумен², а голов двадцать, – но все равно событие, в этот безрадостный день поистине знаменательное для мальчугана, вынужденного обретаться на окраине становища. Все равно что гости из иного, несравненно лучшего мира.

Воины в седле держались нарочито прямо, и со стороны казалось, что они излучают непререкаемую силу. При виде этих грозных нукеров³ Бату изнывал одновременно и от зависти, и от несбыточного желания оказаться в их числе. Каждому мальчишке из здешних юрт известно, что значат эти черно-красные доспехи. *Кешиктены* – отборные воины из стражи самого Угэдэя. Истории их славных битв нараспев излагали сказители в дни празднеств. Ходили из уст в уста и истории помрачнее, о кровавых изменах и предательствах. При этой мысли Бату невольно поежился. В некоторых из них значился его отец, из-за чего в сторону матери и ее полукровки-сына даже здесь, на отшибе, то и дело бросали косые взгляды.

Бату от досады плюнул себе под ноги. Он ведь еще помнил, что юрта его матери когда-то выделялась белизной и к ее входу чуть ли не каждый день приносили подарки. Мать тогда, видимо, была молодой нежнокожей красавицей, а не морщинистой беззубой каргой, как сейчас. Да, дни тогда были совсем, совсем другие – пока отец не предал хана, за что и был, как баран, забит на снегу. *Джучи*. Одно лишь звучание этого имени заставило сплунуть повторно. Покорись тогда отец воле великого хана, глядишь, он, Бату, был бы сейчас среди этих красно-черных красавцев-воинов, скакал бы с высоко поднятой головой среди убогих юрт. А теперь он ошивается на отшибе, а мать при одном лишь упоминании сына о несбыточной мечте попадает в тумен пускается в слезы.

Почти всех ребят его возраста уже забрали в войско, остались только увечные и калеки с рождения. Таким был его приятель Цан, наполовину чжурчжэнь, с бельмом на глазу. От одноглазых в туменах толку нет – ни из лука прицелиться, ни аркан как следует метнуть, – а потому воины с хохотом выпроводили его под зад коленом: отправляйся, мол, обратно овец пасти. Тогда Бату вместе с Цаном впервые опился архи, после чего два дня болел. А за самим Бату наборщики так и не наведались: отпрыски изменников в войске не нужны. Видно было, как они ходят-бродят по их части становища, присматривают ребят покрепче да поладней, – но при виде него пожимали плечами и отворачивались. Хотя и силой, и ростом он вышел весь в отца... Но, похоже, в тумене такие без надобности.

Бату вдруг замер. До него дошло: всадники направляются не куда-то мимо, а, остановившись, выясняют что-то у одного из соседей, седого старика, который, к тревожному изумлению Бату, указал на материну юрту. Мальчик буквально прирос к земле и безмолвно смотрел, как кони рысью приближаются к нему. Не зная, как быть с руками, он дважды успел скрестить их на груди, прежде чем наконец свесил вдоль туловища. Слышно было, как из юрты что-то спросила мать, но Бату не откликнулся. Попробуй тут отзовись, когда к тебе близится отряд нукеров. Особенно выделялся знатный воин, что скакал впереди.

В бедных юртах никаких изображений не бывало отродясь; лишь самые богатые хошлоны⁴ могли похвастаться одной-двумя картинками из империи Цзинь⁵. Тем не менее отцова

² Тумен – наиболее крупная организационная тактическая единица монгольского войска XIII—XV вв., численность которой составляла обычно 10000 всадников.

³ Нукер – дружинник на службе знатного господина в период становления феодализма в Монголии.

⁴ Хошлон – большой шатер.

⁵ Империя Цзинь – государство в Китае (1115—1234), управлявшееся чжурчжэньской династией Цзинь.

брата Бату однажды видел. Сколько-то лет назад, точно не упомнишь, в день празднества он подполз поближе и украдкой поглядел между воинами, чтобы лицезреть самого хана. Угэдэй и Джучи тогда состояли при своем отце, великом Чингисхане, и воспоминание это осталось самым ярким пятном во всей горько-сладкой череде детских лет Бату. Быть может, это был проблеск той жизни, которая могла бы у него сложиться, не погуби ее опрометчиво отец из-за какой-то там размолвки, суть которой Бату и не уловил.

Угэдэй скакал с непокрытой головой, в глянцеви́то-черных пластинчатых доспехах. За спиной билась коса, сплетенная на цзиньский манер, – тугим узлом на бритом наголо черепе. Бату пожирал всадника глазами, как мясо ртом, а в это время из юрты снова подала голос мать. Сын великого хана смотрел прямо на него – более того, он к нему обращался, – но Бату словно окаменел, а язык отказался повиноваться. Между тем пристальные желтые глаза оказались совсем близко, и Бату оторопело понимал, что на него сверху вниз смотрит родной дядя, но не мог при этом вымолвить ни слова.

– Он что, слабоумный? – произнес один из воинов.

Бату хватило только на то, чтобы закрыть открытый рот.

– Мальчик, к тебе обращается мой повелитель Угэдэй. Или ты глухонемой?

Внизу от живота горячо хлынуло вверх, стиснуло горло. Бату тряхнул головой, внезапно разозленный тем, что столько людей прискакали к материнской юрте. Что они подумают? Что скажут о заштопанных стенах, о дурном запахе, о мухоте? Бату почувствовал себя униженным, а потому потрясение быстро переросло в гнев. Но и при этом он не произнес ни слова. Мать рассказывала, что такие же вот красно-черные убили его отца. А жизнь оборванца-сына стоит в их глазах немногим больше.

– У тебя что, совсем голоса нет? – задал вопрос Угэдэй. При этом он чему-то улыбался.

– Почему же, есть, – сипловато ответил Бату.

Один из нукеров свесился с седла. Удара мальчик не ожидал, и лишь слегка покачнулся, когда рука в кольчужной перчатке обхватила ему сбоку голову.

– Есть, *господин*, – с нажимом, хотя и без злобы, сказал воин.

Мальчик, выпрямившись, попробовал стряхнуть руку. Ухо зажгло, хотя Бату знал боль и покрепче.

– Голос есть, господин, – повторил он, стремясь запомнить лицо обидчика.

Между тем Угэдэй обсуждал Бату так, будто того здесь не было:

– Выходит, это не домыслы. В его лице я вижу своего брата, и ростом он уже не ниже моего отца. Сколько тебе лет, мальчик?

Бату стоял тихо-претихо, пытаясь привести в порядок неугомонные мысли. Какой-то своей частью он неизменно подвергал сомнению слова матери о том, как высоко стоял его отец. И теперь так просто и однозначно убедиться в правоте ее слов оказалось выше его сил.

– Пятнадцать, – выговорил он и, видя, как вновь подается в седле тот нукер, поспешно добавил: – Господин.

Нукер с самодовольным кивком принял прежнее положение.

– Вот как? – Угэдэй нахмурился. – В такие годы начинать уже поздновато. Боевая выучка должна начинаться с семи, самое большее с восьми лет. Иначе хорошего воина из тебя не получится. – Заметив смятение Бату, он улыбнулся, довольный произведенным впечатлением. – Ну да ладно, посмотрим, на что ты годен. Завтра доложись темнику Джэбэ. Его стан в дневном переходе к северу, возле айла под горой. Отыщешь?

– У меня нет лошади, господин, – признался Бату.

Угэдэй поглядел на нукера. Тот, подавив вздох, слез с седла и передал поводья мальчику.

– Ну а скакать ты хотя бы умеешь? – спросил он надменно.

Бату принял поводья и благоговейно погладил лошадь по мускулистой шее. Такого великолепного животного он прежде и не касался.

– Да-да. Скакать я умею.

– Хорошо, если так. Но это не твоя кобылица, ты меня понял? Она домчит тебя до места, а там ты возвратишь ее мне, а себе подыщешь какую-нибудь клячу.

– Я не знаю твоего имени, – сказал Бату.

– Звать меня Алхун. Спроси любого в Каракоруме, меня каждый знает.

– В городе? – переспросил Бату заворуженно.

Ему доводилось слышать о каменных чертогах, что возводятся сейчас над землей бесчисленным множеством мастеровых, но он до этих пор даже и не знал, верить тому или не верить.

– Пока еще больше стан, чем город, но это дело времени, – заверил Алхун. – Обрати лошадь пошлешь с нарочными, да смотри предупреди, чтобы обращение с ней было самое бережное. А не то за каждую отметину от плети рассчитаешься собственной шкурой. Ну так что, переросток, милости просим в войско. У моего повелителя Угэдэя на тебя виды. Смотри, не разочаруй его.

Часть первая 1230 год

Глава 1

Переливчато вспыхивали в лучах вечернего солнца облачка мраморной пыли. Сердце Угэдэя пело. В возвышенных чувствах он правил коня по главному проезду, вбирая взором и слухом всякий вид, всякий звук. Вокруг лихорадочно кипела работа: гремели молоты, хлопотливо постукивали кирки, стучали топоры и зудели пилы, выкрикивались приказы и понукания. За городом стояли в сборе монгольские тумены. Темники, простые воины и толпы народа были созваны сюда засвидетельствовать то, что было создано здесь за два года каторжного труда: город среди пустыни, с укрощенным по воле хана и изогнутым, как лук, руслом реки Орхон.

На минуту Угэдэй приостановил коня: захотелось поглядеть, как артель мастеровых разгружает повозку. Нервничая под взглядом чингизида, работники посредством вервей и шкивов, дружно навалившись, стаскивали, а затем водружали глыбы белого мрамора на полозья, на которых глыбы утаскивались затем в мастерские. Каждый сахарно-белый блок мрамора с синеватыми прожилками радовал глаз. Угэдэю нынче принадлежали все каменоломни, откуда за многие сотни гадзаров⁶ с востока свозились эти глыбы, – и это было лишь одно из тысяч приобретений, сделанных им за последние несколько лет.

Сомнений нет, разбрасываться золотом и серебром так, будто это никчемные песок или глина, может позволить себе отнюдь не каждый. Эта мысль вызвала у Угэдэя улыбку. Интересно, как бы поступил с возведенным в пустыне белым городом отец. К рукотворным людским муравейникам Чингисхан всегда относился с презрением. Но в отличие от городов врага у этого стены не древние, а в стенах нет кишачих многолюдством улиц. Здесь все новое и принадлежит улусу, то есть всему народу.

В распоряжении Угэдэя имелась теперь поистине небывалая сокровищница, накопленная государями восточных царств и шахом поверженного Хорезма, да так ими и не потраченная. Получается, стяжали они впустую. А он теперь прибытком из одного лишь Енкина⁷ может каждый дом облечь в белый мрамор, а то и облицевать яшмой, если того захочет. Своему отцу он воздвиг на этих плоских равнинах памятник, а себе – место, где сможет достойно стать ханом. Выстроил дворец с башней, возносящейся над городом подобно белому мечу: пусть все видят, как далеко ушел его народ от убогих юрт и стад.

⁶ Гадзар – старомонгольская мера длины, равная 576 м.

⁷ Ныне Пекин.

За его, Угэдэя, золото сюда стянулось неисчислимое множество людей. Со своим нехитрым инструментом и всего с несколькими головами вьючных животных они пересекали равнины и пустыни, стекаясь из земель Цзинь и великих городов: Самарканда, Бухары, Кабула. На долгое путешествие отваживались каменщики и плотники далекой страны Корё, влекомые на запад молвой о новом городе, что возводится на реке из монет. С запасами редких сортов глины прибывали болгары; они же огромными караванами доставляли подобный камню уголь и твердую древесину из своих лесов. Город быстро рос, наполняясь строителями, всевозможными ремесленниками, торговцами, ну и – не без этого – ворами и всяким отребьем. Крестьяне на своих груженных провизией телегах совершали сюда многодневные переходы, чуя поживу в виде связок звонких монет. Он же, Угэдэй, не скупясь давал им всем серебро и золото, добытое из недр земли и отлитое в монеты надлежащей формы. А они взамен давали ему город – что и говорить, сделка неплохая. Так что на сегодня это место являло собой доподлинно разноликий и разноголосый людской муравейник, где звучали разом сотни наречий и тысячи разных блюд готовились на множестве специй. Кому-то из инородцев будет позволено здесь остаться, однако свой город он, Угэдэй, строит не для них.

На пути вдоль стен, отвлекшись от работы, распластались зеленорукие красильщики, почтительно поникнув красными тюрбанами. Стражники-кешиктены прокладывали путь сыну великого Чингисхана. Угэдэй скакал как во сне. Это он, *он* дал облик этому месту, обратив его в сказочный город из становища юрт, известного отцу. Он же, сын великого отца, воплотил это чудо в камне.

Кстати, вот что удивительно. Он не оплачивал проезд вместе с мастеровыми женщинами, но они, гляди-ка, понаехали, кто при муже, кто с отцом. Какое-то время Угэдэй раздумывал над тем, как обустроить выгодные для процветания города ремесла, а они проклюнулись сами собой. Да еще купцы обратились к его советнику за правом снять в городе новые помещения, предлагая в уплату серебро и лошадей. То есть город уже не был простым набором жилищ. У него своя жизненная среда, выходящая из-под его, Угэдэя, догляда и правления.

Хотя как сказать – так, да не так. Недоделка в планировке породила на юге города сеть узких проулков, и там уже вскоре осел и стал множиться лихой люд – разбойники, бродяги и воры. Но все это лишь до тех пор, пока слух об этом не дошел до Угэдэя. Он тут же велел снести там восемьсот домов, а всю эту часть города перепланировать и отстроить заново. Что до массовых казней лиходеёв, то их отслеживала его личная стража.

Перед Угэдэем вся улица умолкала. При виде человека, держащего в единой горсти их жизни, смерти и золото, мастеровые вместе с хозяевами все как один падали ниц. Чуткими ноздрями Угэдэй глубоко втянул воздух, наслаждаясь вкусом пыли на языке. Ощущение было такое, будто тем самым вдыхаешь само творение. Впереди уже проглядывали башни дворца, коронованного куполом с облицовкой из листового золота тоньше, чем бумага у его писцов. Своим жарким горением купол словно пленил и удерживал в городе солнце. Душа радовалась при виде этого.

Впереди улица, снабженная каменными гладко отшлифованными водостоками, шла на расширение. Эта ее часть с месяц назад была завершена, а потому шумливые толпы рабочего люда остались позади. Проезжая неспешной рысцой, Угэдэй не мог не поглядеть на внешние стены города, что приводили в недоумение и умудренных архитекторов из Цзинь, и простых работяг. Даже с невысокой точки седла взгляд временами ухватывал зелень наружных равнин. Да, стены невысоки, это известно. Но ведь даже мощные стены не уберегли от осады Енкин. Стены же чингизида – это воины, сыновья степных племен, что поставили на колени цзиньского императора и разрушили до основания города хорезмшаха.

Угэдэй уже любил свое творение – от необъятной площади для воинских упражнений, что по центру, до красных черепичных крыш и каменных водостоков, а также храмов всех

вер, рынков и тысяч, тысяч домов – пока еще в основном пустых и лишь ждущих своего часа, чтобы наполниться жизнью. На каждом углу ветер равнин упруго трепал синие полотнища – дань Великому небу и благосклонно вззирающему оттуда небожителю-отцу. На юге зеленели равнины, за которыми вдали млели розоватые громады гор. А здесь воздух был пылен и тепел, чем радовал сердце Угэдэя, любовно озирающего свой Каракорум.

Город постепенно облекался мягким сине-фиолетовым вечерним светом, когда Угэдэй, отдав поводья кравчему, взошел по ступеням дворца. Прежде чем зайти внутрь, он еще раз обернулся на город, все еще ждущий своего рождения. Чувствовался запах свежесвырытой земли, а поверх него в вечернем воздухе плыл дух съестного: это готовили себе трапезу мастеровые. Вообще-то загонов для скота под стенами при строительстве не предусматривалось, не должно было слышаться и квохтанья-гоготанья домашней птицы, которой здесь приторговывали на углах. Скажем, рынок шерсти у западных ворот – это к месту. Хотя нельзя ожидать, чтобы торговля замерла только из-за того, что город еще не достроен. Не зря же Угэдэй замыслил его на перекрестье древних торговых путей, которые и должны были помочь его городу ожить, а затем и зажить. Вот жизнь и начала непроизвольно в него вливаться – даже сейчас, пока еще целые улицы и кварталы представляли собой лишь нагромождение бревен, черепицы и камня.

Отведя глаза от полоски света, еще теплящейся на месте ушедшего солнца, чингизид улыбнулся кострам на окружающих город равнинах. Там Угэдэя ждут его люди. Тумены по его указанию сейчас кормят сочной бараниной – такой, что жир каплет на летнюю траву. Это напомнило Угэдэю о собственном голоде, и он облизнул губы, проходя в каменные ворота, не уступающие величием ни одним в цзиньских городах.

Пройдя в ворота, он приостановился в гулкой зале, любуясь на свою причуду: дерево литого серебра, грациозно устремленное под самый купол, сквозной свод которого напоминал дымник юрты пастуха. Без малого год ушел у серебряных дел мастеров из Самарканда, чтобы отлить и отполировать дерево, но оно того стоило. Теперь любой вошедший во дворец ахнул бы от богатства, олицетворяемого этим творением. Кто-то узрел бы в нем символ монгольских племен, ставших ныне единым народом. Ну а наделенный истинной мудростью, безусловно, пришел бы к выводу, что монголы настолько ни во что не ставят драгоценные металлы, что используют их как простые чушки для отливок.

Угэдэй задумчиво провел ладонью по стволу дерева, ощущая благородную прохладу. Торчащие в стороны ветви призваны были изображать жизнь и светились таинственной белизной, как, бывает, светятся березы в залитом луной лесу. Кивнув каким-то своим мыслям, чингизид сладко потянулся, а в это время рабы и слуги зажигали вокруг светильники, от которых сумрак снаружи сделался как будто гуще, – наверное, из-за длинных черных теней, пролеглих из углов.

Послышались торопливые шаги, и в залу вошел Барас-агур, старший слуга, глазами ища своего господина. При виде кипы бумаг у слуги под мышкой, а также озабоченного лица, Угэдэй невольно поморщился.

– Позже, Барас, – досадливо отмахнулся он. – Когда поем. День был долгим.

– Как скажете, хозяин. Но у вас посетитель: ваш дядя. Мне ему сказать, чтобы ждал, пока вы сами не соблаговолите позвать его?

Угэдэй ответил не сразу: отстегивал пояс с саблей. Все трое дядьев прибыли на каракорумскую равнину по его приказанию, образовав со своими туменами три обширных стана. Заходить в город он им всем запретил. Интересно, кто же ослушался? Быть может, Хасар, по разумению которого все указы и законы существуют для кого угодно, только не для него?

– Который из них? – спокойно осведомился Угэдэй.

– Суту⁸ Темугэ, хозяин. Я послал к нему слуг, но дожидается он уже долго.

Барас-агур пальцем прочертил движение солнца в небе, и Угэдэй раздраженно поджал губы. В тонкостях гостеприимства брат его отца разбирался как никто другой. Уже своим прибытием в тот момент, когда Угэдэй не мог его здесь встретить, он невольно заставил его, как племянника, чувствовать себя перед ним обязанным. И, похоже, неспроста. Чтобы добиться своего, такой, как Темугэ, тонко использует малейший повод. Хотя приказ был всем – и темникам, и нойонам⁹ – оставаться на равнинах. С сумрачным лицом Угэдэй последовал за старшим слугой в первый (и самый роскошный) покой для аудиенций.

– Распорядись сразу же подать мне вина, Барас. И еды – что-нибудь простое, то же, что едят нынче воины на равнине.

– Будет исполнено, хозяин, – привычно склонил голову слуга, думая между тем о предстоящей встрече.

Звуки шагов отзывались гулким и призрачным эхом в молчаливой анфиладе залов. На росписи стен и потолков, доставляющие ему обычно столько удовольствия, чингизид даже не глядел. А между тем они с Барас-агуром проходили мимо творений лучших художников исламского мира. Лишь приблизившись к покоям, Угэдэй поднял глаза на буйство красок и улыбнулся образу Чингисхана, ведущего войско в сражение у хребта Ехулин¹⁰. Помнится, за год работы художник запросил целое состояние, а Угэдэй, увидев результат, удвоил ему награду. Отец по-прежнему жил на этих стенах, как жил и в памяти своего сына. В известных Угэдэю племенах искусство живописи не знали совершенно, поэтому приходилось восхищенно замирать перед изображениями, созданными иноземцами. Впрочем, сейчас не до живописи, его дожидается Темугэ, и Угэдэй, прежде чем войти в покой, лишь коротко кивнул отцову образу.

С братом отца годы обошлись довольно безжалостно. В свое время Темугэ был тучен, как откормленный телец, а затем резко похудел, от чего шея пошла дряблыми складками, от чего он выглядел гораздо старше своих лет. На дядю, чинно поднявшегося для приветствия с обитого шелком стула, Угэдэй поглядел холодно, лишь через силу проявляя любезность к родственнику, прервавшему его уединение. Но что делать, от судьбы не уйдешь. Народ с нетерпением ждет, и Темугэ выпало всего-навсего первому нарушить покой чингизида.

– Ты хорошо выглядишь, Угэдэй, – были первые слова Темугэ.

Он сделал несколько шагов вперед, собираясь заключить племянника в объятия, от чего того тут же искрой пробило раздражение. Он обернулся к Барасу, а дядя так и остался стоять с приподнятыми руками.

– Вина и пищи, – бросил чингизид слуге. – Или ты так и будешь здесь топтаться, как овца?

– Бегу, хозяин, – с поспешным поклоном отозвался Барас-агур. – И пришлю еще писца, записать встречу.

Он засеменил прочь. Слышно было, как удаляются, постукивая, редкие среди монголов каблуки.

– Я прибыл к тебе не с посольством, Угэдэй, – с тонкой усмешкой сказал Темугэ. – К чему нам писцы и записи?

– Так ты здесь, получается, как мой дядя? И тебя ко мне отрядили не племена? И мой ученый родственник здесь не потому, что избран для разговора со мной всеми старейшинами родов?

⁸ Суту – наделенный почтением.

⁹ Нойон – светский феодал в Монголии.

¹⁰ В этой битве (1211) монгольское войско практически уничтожило кадровую армию империи Цзинь.

От точности сказанного, а еще больше от такого тона щеки Темугэ зарделись. Похоже, за стенами города лазутчиков у Угэдэя не меньше, чем у него самого (привычка, которую молодая монгольская держава быстро переняла у империи Цзинь). Сам Угэдэй сидел с непроницаемым видом, и было сложно определить, что у него на душе. Он даже не предложил родному дяде подсолненного чая. В попытке уяснить, настроен племянник воинственно или все-таки мирно, Темугэ сухо сглотнул.

– Ты ведь знаешь, Угэдэй, в войске только о том и разговор.

Чтобы как-то успокоиться, дядя сделал глубокий вдох. Под взглядом тигрино-желтых глаз чингизида он не мог отделаться от мысли, что общается не с племянником, а с неким воплощением самого Чингисхана. Ишь каков: телом хоть и не в великого хана, а посмотришь ему в глаза, и холод по спине. Лоб Темугэ покрылся испариной.

– Вот уже два года, как ты отстранился от владений своего отца, – начал на свой страх и риск Темугэ.

– Это ты так решил? – перебил Угэдэй.

– Ну а что еще мне остается думать? – храбро выдерживая его взгляд, продолжил Темугэ. – Тумены и семьи ты оставил в поле, затем принялся строить этот город, а они в это время пасли стада и табуны. Два года, Угэдэй! – Он понизил голос до шепота. – Есть те, кто поговаривает, что ум твой сломлен скорбью об отце.

Угэдэй про себя горько улыбнулся. Уже одно упоминание об отце подобно сдиранию поджившей кожи с раны. Обо всех этих слухах он осведомлен. Более того, некоторые из них пустил сам: пускай враги маются в догадках. И тем не менее он избранный наследник великого Чингиса, первого хана державы. Воины, можно сказать, отца обожествляют, так что опасаться каких-то там слухов в армейских станах чингизиду не пристало. Иное дело – слухи среди родичей...

Отворилась боковая дверь, и в покой во главе дюжины цзиньских слуг вплыл Барасагур. Слуги хлопотливо взялись за дело. Не прошло и минуты, как на расстеленной между собеседниками хрустко-белой скатерти уже стояли бронзовые чаши и блюда с едой. Угэдэй, переместившись со стула на устеленный кошмой пол, сел, скрестив ноги, и жестом предложил дяде присоединиться. С тайной усмешкой он наблюдал, как стареющий родственник медленно, поскрипывая суставами и побряхтывая, усаживается напротив. Услав слуг, Барас собственноручно подал чай Темугэ, который с явным облегчением принял чашу в правую руку и, прижмурившись с глубокомысленным видом – как, видимо, делал и в других начальственных юртах на равнинах, – шумно втянул губами глоток солоноватого питья. Что до Угэдэя, то он увлеченно смотрел, как ему в кубок с журчанием льется багровая, с искринкой струя вина. Кубок он быстро осушил и снова выставил, прежде чем слуга успел отойти.

От него не укрылось, как дядя украдкой метнул взгляд на приведенного Барасагуром писца, который почтительно стоял в сторонке у стены. Как и все, Темугэ, безусловно, понимал силу начертанного слова. Кто, как не он, собирал и хранил у себя сказания о несравненном Чингисхане и становлении могучего монгольского ханства. Один из списков тех сказаний, заботливо переплетенный и уложенный в выделанную козлиную шкуру, держал у себя и Угэдэй. Это была, можно сказать, одна из самых ценных его вещей. Хотя бывают случаи, когда беседы предпочтительней не записывать.

– У нас разговор с глазу на глаз, Барас, – сказал он слуге. – Кувшин оставь, а писца уведи.

Вышколенный слуга немедля повинувался, и спустя считанные секунды собеседники вновь остались наедине. Угэдэй, осушив чашу, рыгнул.

– Ну, так что тебя нынче привело ко мне, дядя? Через месяц ты сможешь совершенно свободно войти в Каракорум вместе со всем своим туменом и народом. Будет пир, будет гулянье – такое, что легенды о нем станут годами переходить из уст в уста.

Темугэ вдумчиво оглядел своего собеседника. Насколько все-таки молод племянник: лицо еще совсем без морщин. Но уже усталое, суровое, со следами тяжелых дум. Действительно, тяжелую и странную ношу взвалил на себя Угэдэй этим своим городом. Ведь известно, что среди воинов в станах лишь единицы как-то пекутся об этом Каракоруме. В глазах же военачальников, которые воевали еще под Чингисханом, это просто небывалая вызывающая кичливость и зряшная трата белого мрамора, уложенного к тому же по образцу, принятому в покоренных цзиньских землях. Что до Темугэ, то он рад был бы поведать этому молодому человеку о своей любви к новому творению, но только словами, которые не могут быть истолкованы как липкая лесть. Ведь он и вправду любил его, этот город. Когда-то Темугэ и сам мечтал построить нечто подобное – место с широкими улицами, внутренними дворами и даже библиотекой с тысячами чистых дубовых полок, пустующих в ожидании сокровищ, что когда-то на них лягут.

– Ты ведь не глуп, Угэдэй, – произнес Темугэ. – Ведь не случайно твой отец из всех твоих братьев, даже старших, избрал именно тебя. – Угэдэй кольнул дядю взором, но тот, кивнув, продолжал: – Иногда я размышляю, а не стратег ли ты, равный по дарованию Субэдэй-багатуру. Ведь два года уже народ живет считай что без вождя, без торной дороги, а у нас еще нет междоусобной войны и нойоны не лезут друг на друга стенка на стенку.

– Может, это оттого, – тихо проговорил Угэдэй, – что у них постоянно на виду мой личный тумен, а среди жителей шелестят мои писцы и лазутчики? Люди в красно-черном волками рыщут, вынюхивая измену.

Темугэ лишь фыркнул:

– Не страх их удерживает, а смятение. Они пока не разглядели твоего замысла, поэтому ничего и не предпринимали. Ты наследник своего отца, но к присяге их так и не призвал. Никто не понимает, что к чему, оттого и выжидают, высматривают. Все по-прежнему ждут от тебя дальнейших действий.

Губы Угэдэя тронуло подобие улыбки.

Вот бы знать, что на уме у племянника, – но кто их нынче разберет, этих молодых? Все как один скрытные, не докопаешься.

– Ты выстроил свой город на равнинах, Угэдэй. Армии собрались по твоему призыву. Теперь они здесь, и многие впервые видят это достославное место воочию. Ты думаешь, они просто преклонят колени и присягнут только из-за того, что ты сын своего отца? У него ведь есть и другие уцелевшие сыновья, не только ты. Ты о них ни разу не задумывался?

Отчаянные попытки дяди одним лишь буравящим взглядом выведать тайны вызвали у Угэдэя очередную улыбку. Есть среди его секретов такой, который тебе никак не разузнать, как ни пьйся. Внутри от вина начинало разливаться благодное довольство, словно лаской убаюкивая боль.

– Если таковым, дядя, и было мое намерение – выиграть себе два года мира и построить город, то, получается, я этого добился, разве нет? Может, это и есть то единственное, чего я хотел.

Темугэ развел руками.

– Ты мне не доверяешь, – сказал он с подлинной удрученностью.

– Вернее сказать, доверяю не больше и не меньше, чем остальным, – мягко хохотнул Угэдэй, – уверяю тебя.

– Умный ответ, – обидчиво заметил Темугэ.

– Ну так на то ты и умный человек. – Угэдэй раздраженно дернул щекой. – А значит, того заслуживаешь.

Вся легкость из него улетучилась, стоило ему через скатерть податься лицом к дяде, который тут же безотчетно попытался отодвинуться.